

ISSN 0131—6095

Русская литература

1

1985

· НАУКА ·
Ленинградское отделение

ХРОНИКА

ВТОРЫЕ АЛЕКСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5—6 июня 1984 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова состоялись Вторые научные чтения, посвященные памяти академика Михаила Павловича Алексеева — замечательного ученого-пушкиниста, тургеневода, одного из основоположников сравнительного литературоведения, исследователя западных литератур. Отныне эти чтения будут проходить периодически, через каждые два года.

Программа Вторых Алексеевских чтений состояла из трех тематических заседаний: «Пушкин и его современники», «Сравнительное литературоведение» и «Западные литературы». Вступительное слово произнес академик Д. С. Лихачев. Русское литературоведение XIX века, сказал он, было литературоведением особого типа: профессора, читавшие историю литературы, читали историю и русской, и западноевропейской литературы. Отсюда возникла плеяда исследователей литературы — энциклопедистов, таких, как, например, А. Н. Веселовский. К их числу с полным правом можно отнести и Михаила Павловича Алексеева. Трудно назвать другого ученого с таким широчайшим диапазоном знаний!

У каждого исследователя литературы есть свое представление о ней, свои интересы в литературе, чем определяется не только литературо-ведение, но и литературо-видение, в котором в широкой степени проявляются черты личности исследователя. Михаил Павлович по натуре своей был человеком общительным, «праздничным». Не случайно он так любил конференции, международные съезды и разного рода встречи, любил праздничную сторону науки. Для него наука была праздником — он сам вносил в нее пафос и патетику.

Михаил Павлович занимался тем, что касается взаимоотношения писателей, судьбы их произведений — литературной и читательской, тем, что приобрело в некоторой части нашего литературоведения (не у Михаила Павловича) наименование «функциональное изучение литературы», но в работах М. П. Алексеева имело более широкое содержание. Наряду с крупными, обобщающими работами он с самого начала своей деятельности интересовался редкими сюжетами, неожиданными темами. Этот интерес Михаила Павловича к «раритетам» и «курьезам» — тоже

праздничность науки. У М. П. Алексеева было свое представление о мире культуры как о мире постоянных, взаимосвязей, мире влияний, заимствований, культурной одновременности (частично охватывающей и то, что получило название «типологическое изучение литературы»). Михаил Павлович был поборником представлений о литературе, культуре и человечестве как о взаимосвязанном единстве. Недаром одной из тем его исследований была тема «вечного мира» Пушкина и не случайно его любимыми писателями были писатели с мировыми связями — Пушкин, Тургенев, а в древней — произведения Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве» и затем Ренессанс в России XVI века. Если попытаться выяснить, как велик был этот мир взаимосвязей и очертить его границы, то они пройдут от Сибири к скандинавским странам, к Англии, перешагнут через океан в Северную Америку, спустятся в Латинскую Америку, возвратятся через Испанию и Португалию в Европу и через самый юг Европы вернутся в Россию.

Личность М. П. Алексеева как ученого-энциклопедиста, как ученого со своим ярким и блестящим почерком в исследованиях, со своими представлениями о литературе, заслуживает такого же внимания, как личности наших крупнейших художников или музыкантов, как личности писателей. Писать о Михаиле Павловиче книгу, подобную тем, какие написаны о Шахматове, Буслаеве, Забелине, не касаясь его личности, невозможно. Вот почему крайне важно, чтобы было сохранено все, что мы о нем знаем, собраны воспоминания о нем, систематизирована его переписка, продолжена его библиография 1972 года.

Первое заседание Вторых Алексеевских чтений было посвящено А. С. Пушкину и его современникам и состоялось в канун 185-летия со дня рождения поэта. Открылось это заседание сообщением канд. филол. наук И. С. Чистовой «Из наблюдений над лирикой Пушкина». Это сообщение включало в себя два небольших этюда о стихотворениях Пушкина, связанных с его поездками в Псковский край: «Есть в России город Луга...» и «Простите, верные дубравы!...». Исследовательница показала, что стихотворение «Есть в России город Луга...», традиционно датированное 1817 годом, в действительности относится к более позднему времени. Она представила убедительные

доводы в пользу датировки этого стихотворения периодом жизни поэта в Михайловском, впервые предложенной (впрочем, без какой-либо аргументации) П. В. Анненковым. В отличие от Анненкова, относившего экспромт «Есть в России город Луга...» к 1824 году, И. С. Чистова предположила, что оно было написано в 1826 году и адресовано С. А. Соболевскому. Среди поэтического наследия Соболевского она обнаружила стихотворение «Орел с его уездами», определенно корреспондирующее с пушкинской шуткой об «ужасном» городе Новоржеве. Таким образом, первая поездка Пушкина в псковскую деревню его матери, состоявшаяся в 1817 году, отмечена не двумя, а лишь одним стихотворением — «Простите, верные дубравы!...». И. С. Чистовой удалось обнаружить две неизвестные копии этой пьесы в альбоме А. Н. Вульф и в письме П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу от 17 февраля 1837 года. Исследовательница всесторонне проанализировала имеющиеся в этих копиях варианты первой строки: «Простите, милые дубравы!...» и «Простите, верные дубравы!...». В сообщении названные варианты квалифицированы как замены П. А. Осиповой пушкинского эпитета «верные» традиционными для сентиментальной элегической поэзии фразеологизмами.

Канд. филол. наук Р. В. Иезуитова выступила с докладом «Альбом Онегина». «Альбом Онегина», отметила докладчица, не столь уж частый в поэтической практике Пушкина пример того, как вполне сложившийся, художественно полноценный текст изымается из окончательной редакции, оставаясь вместе с тем одним из опорных звеньев общей эволюции замысла произведения (в данном случае — «романа в стихах»). Изучение «Альбома» с момента публикации белого и черного его автографов ограничивается преимущественно текстологическим аспектом. Содержание же и характер самих альбомных записей, общий смысл этого интересного и необычного художественного документа, его место в предполагаемой структуре пушкинского романа, указала Р. В. Иезуитова, все еще остаются вне поля зрения исследователей, за исключением, пожалуй, Н. Я. Соловья, коснувшегося в своей статье некоторых из этих проблем. Не соглашаясь с трактовкой записей «Альбома» как «светски тривиальных», Р. В. Иезуитова рассматривает их не только как исповедь героя, пережившего разочарование в светской жизни, не только как отражение его восприятия (в достаточной мере критического) окружающей среды, но и как тонкий анализ нравов этой среды, свидетельствующий о незаурядности Онегина. Материалом для создания портретов, острых сатирических зарисовок с натуры и даже карикатур альбома несомненно служили личные впечатления поэта, вернувшегося в Петербург весной 1827 года и после семилетнего перерыва снова соприкоснувшегося со светской средой.

В записях «Альбома Онегина» Р. В. Иезуитовой удалось выявить существенные биографические факты, увидеть за скрытыми под условными обозначениями персонажами «Альбома» реальных знакомых Пушкина. По мнению исследовательницы, «Альбом Онегина» был исключен из окончательной редакции романа по соображениям не этического, как полагал В. Набоков, а чисто художественного, творческого свойства: слишком очевидными были его биографические реалии, слишком значителен был временной разрыв, отделяющий работу над первой главой романа (с ее героем — светским «dandy») от седьмой главы, воссоздающей образ трагически настроенного Онегина (относящиеся к петербургской жизни героя записи «Альбома» соответствовали именно этому, новому самоощущению героя!). Однако работа над «Альбомом» не прошла бесследно: она дала обильный материал и для лирических отступлений, и для картины великосветской жизни восьмой главы, а главное — дала верные ориентиры для создания образа Татьяны — светской дамы: недаром поэт наделяет этот образ деталями, впервые найденными в «Альбоме Онегина».

С докладом «Письма Пушкина о греческой революции» выступила канд. филол. наук Я. Л. Левкович. Этот доклад был посвящен выявлению адресатов и последовательности трех писем Пушкина 1821—1823 годов, содержащих реакцию поэта на ход греческой революции. Обратившись к автографам писем и соотнеся их с хронологией восстания под руководством А. Ипсиланти, исследовательница убедительно доказала, что третье письмо, написанное по-французски и датированное (как и второе) в академическом издании июнем 1823-го—июлем 1824 года, в действительности предшествовало второму письму и было адресовано не В. Л. Давыдову, как два других, а другому лицу. По обоснованному предположению Я. Л. Левкович, этим лицом, скорее всего, был А. Н. Раевский. В этом случае необходимо сместить и дату написания письма: оно могло быть написано после того, как с закрытием Одесского филантропического общества в конце 1821 года прекратилась помощь греческим беженцам, и до ноября 1823 года, когда Раевский приехал в Одессу. Письма Пушкина о греческой революции показывают, что отношение поэта к ее перипетиям было неоднозначным. Поэтому они не могут, как предполагал И. Л. Фейнберг, представлять собой остатки записок Пушкина о греческой революции.

Доклад канд. филол. наук В. Э. Вацуро «Денис Давыдов в писательском кругу» был посвящен творческой истории элегии Д. Давыдова «Бородинское поле». Сопоставив несколько автографов этого известного стихотворения, докладчик рассмотрел его окончательный текст как результат творческих усилий пушкинского литературного кружка. Стихотво-

рение было прочитано Жуковским, Вяземским, Баратынским; двое последних предложили свои коррективы, значительная часть которых была учтена Давыдовым при последующей работе над текстом.

В докладе доктора филол. наук Г. В. Краснова (Коломна) «Автобиографическая записка 1831 года» речь шла об отрывке «В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом. . .», который автором доклада включается в жанр путевых записок с установкой на изображение непредвиденного, неизвестного, с образом рассказчика-путешественника, склонного к иронии и самоиронии. Cholera как одно из происшествий — мотив и образ «дикивинки», играющей человеческими судьбами. Текст: «. . . бедствие, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы» — комментируется многими «известиями» о «вторжении холеры» в Европу («Вестник Европы», «Телескоп»). Автор — в отличие от мнения Я. Л. Левкович (см. «Русская литература», 1981, № 1, с. 127) — считает необходимым возвратиться к датировке отрывка 1831 годом.

Сообщение канд. филол. наук С. А. Фомичева «Катерина Тимашева — поэтесса пушкинской плеяды» было посвящено личности и творчеству Е. А. Тимашевой, которой Пушкин адресовал одно из своих стихотворений. На основе малоизвестных архивных материалов С. А. Фомичев дополнил творческий портрет поэтессы: в докладе приводились обнаруженные в рукописи стихи Е. А. Тимашевой, неизвестные сведения о ее окружении, отношениях с поэтами пушкинского круга. Обратившись к стихотворению Пушкина 1826 года «К. А. Тимашевой» («Я видел вас, я их читал. . .»), С. А. Фомичев предложил новое истолкование последней строфы. В сообщении было высказано предположение, что именно о Е. А. Тимашевой идет речь и в обращенном к Пушкину стихотворении Баратынского «Новинское».

Второе заседание Алексеевских чтений было посвящено сравнительному литературоведению. Доклад доктора филол. наук Н. К. Орловской (Тбилиси) «К вопросу о культурных контактах Запада и Востока», охватывавший период с XVII по XVIII век, касался интереса европейцев к восточным языкам, в частности к грузинскому языку. На основе сохранившихся печатных и рукописных материалов Н. К. Орловская раскрыла пути проникновения в Европу сведений о грузинском языке, показала уровень существовавших на Западе представлений о нем и обрисовала метод работы европейских ученых, занимавшихся каталогизацией и сопоставлением языков.

В докладе доктора филол. наук П. Р. Заборова «Русские путешественники в замке Жермены де Сталь» получил освещение один из аспектов весьма широкого интереса русских людей к личности и творчеству Жермены де Сталь — посе-

щение русскими на протяжении XIX века ее швейцарского поместья Коппе. Здесь в 1800-х годах побывали Ф. Г. Головкин, Г. А. Строганов, В. П. Кочубей, П. И. Тюфякин, П. Ф. Балк-Полев; в 1810-х годах его посетил Н. И. Греч, в следующем десятилетии — В. А. Жуковский, А. И. Тургенев. Позднее его осматривали М. П. Погодин, П. В. Анненков, А. В. Никитенко, а в самом конце века — писатель-беллетрист Н. А. Попов. Паломничества эти отразились и в русской поэзии («Деревня» П. А. Вяземского, «Швейцария», Е. П. Зайцевского, «Сентенции и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже» И. П. Мятлева). По наблюдениям докладчика, отношение русских людей к Коппе претерпело в течение названного времени существенную эволюцию: по мере того как уходил в прошлое романтизм, ослабевало и тяготение к этому «уголку земли», который в известном смысле символизировал романтическую эпоху.

В докладе канд. филол. наук М. В. Разумовской «„Естественная история“ Бюффона и русская литература XVIII века» было показано, что интерес России XVIII века к Ж.-Л. Бюффону, одному из наиболее значительных деятелей европейского просвещения, не ограничивался только академическими рамками, но получил отражение и в литературе. Докладчица остановилась на том, что различные естественнонаучные проблемы, и среди них некоторые идеи, восходящие к «Естественной истории» Бюффона, занимают большое место в сборнике В. А. Левшина «Вечерние Часы, или Древние сказки славян древлянских». Далее М. В. Разумовская продемонстрировала отражение ряда основных положений «Естественной истории» в пьесах Фонвизина — «Бригадире» и особенно «Недоросле», где в духе Бюффона решается вопрос общего понимания связи, единства системы понятий «человек—животное» и обнаруживается намек на идею наследственности, одним из главных создателей которой в конце XVIII века был Бюффон.

Канд. филол. наук Н. А. Жирмунская выступила с докладом «Жерар де Нерваль и французско-немецкие литературные связи эпохи романтизма». Докладчица отметила огромную заслугу представителя младшего поколения французских романтиков в приобщении французских читателей, писателей и критиков к немецкой литературе. Нерваль перевел обе части «Фауста», многие баллады Гете, Шиллера, Уланда, стихотворные циклы Гейне и произведения других немецких авторов. Путешествуя по Германии, он систематически публиковал во французской прессе рецензии и очерки о событиях культурной жизни этой страны. Его собственное творчество испытало глубокое влияние немецкой литературы: в его новеллах отразились фантастика и гротеск Гофмана, философские искания Жан-Поля Рихтера дали пищу его философской

лирике, фольклоризм Гердера и гейдельбергских романтиков побудил его обратиться к собиранию и публикации песен и легенд родного края — провинции Валуа. В творчестве Нерваля органически сочеталось восприятие иной национальной культуры со специфическими французскими традициями. Его посредничество между культурами двух соседних стран отразило практически все возможные формы и уровни взаимодействия национальных литератур.

Доктор филол. наук Ю. Д. Левин в докладе «Д. Е. Мин — переводчик Данте» кратко изложил биографию Д. Е. Мина (1818—1885), медика по профессии, и охарактеризовал в общих чертах его переводческую деятельность. Особое внимание докладчик уделил истории создания первого полного русского стихотворного перевода поэмы Данте «Божественная комедия», а также анализу творческих принципов переводчика и его манеры.

Отражению борьбы южных славян за свободу в период Восточного кризиса 1875—1878 годов в некрасовских «Отечественных записках» посвятила свой доклад канд. филол. наук Л. И. Ровнякова. В огромной литературе вопроса, связанного с изучением возобновленного в 1868 году журнала, этот аспект затрагивается впервые. Анализ непосредственных откликов на Боснийско-Герцеговинское восстание 1875 года, апрельское восстание 1876 года в Болгарии, сербско-турецкую войну 1876 года и русско-турецкую войну 1877—1878 годов, а также выступлений в журнале писателей и публицистов народнической ориентации убедительно показывает, что «Отечественные записки» в решении так называемого «славянского вопроса» исходили из интересов русского народа и необходимости углубления критики царизма на новом этапе освободительного движения.

Канд. филол. наук И. И. Чекалов выступил с докладом «Л. Толстой и Дж. Рёскин», осветив проблему восприятия Л. Толстым взглядов английского критика и публициста. В ряду фактов литературной биографии Толстого, связанных с Рёскиным, докладчик особо выделил влияние идей Рёскина на замысел романа «Воскресение». Эти идеи, как показывает творческая история произведения, легли в основу положительных черт Нехлюдова. В окончательной редакции романа имя Рёскина не упоминается. Сопоставляя этот факт с некоторыми другими (в частности, с отсутствием ссылок на Рёскина в трактате «Что такое искусство?»), докладчик делает вывод о неоднозначности отношения Толстого к взглядам Рёскина: принимая в основном социальные убеждения Рёскина, Толстой существенно расходился с ним в понимании общественной роли этики и эстетики.

И. Станишич в докладе «Игорь Северянин и Йован Дучич» рассмотрел

творческие контакты выдающегося сербского поэта и современных ему представителей русской культуры, в частности И. Северянина. Северянин, дважды посетив Югославию, посвятил ей целую книгу стихов, написанных под влиянием «Царских сонетов» Дучича. Воспев Дубровник, Герцеговину, Ядран, Ловчену, Северянин не только возвратился к славянским истокам, но и использовал классическую южнославянскую, дучичевскую поэтику. В поэтический сборник «Медальоны. Сонеты и вариации», посвященный крупнейшим поэтам и писателям мира, любимым и ценным Северяниным, вошел и сонет «Дучич», в котором Северянин создал поэтический образ сербского поэта.

Вечернее заседание Алексеевских чтений, посвященное вопросам западного литературоведения, состоялось в помещении филологического факультета ЛГУ. Заседание открыла доктор филол. наук И. П. Куприянова докладом «„Скорбные воспоминания“ Леоноры Кристины Ульдфельдт как памятник мемуарной прозы XVII века», касавшимся единственного самобытного произведения датской литературы XVII века. Леонора была замужем за одним из первых сановников государства, обвиненным в заговоре против брата Леоноры, Фредерика III, и приговоренным к смертной казни. Мужу Леоноры удалось бежать, но сама она была схвачена и заключена в темницу, где провела двадцать два года, пока не умерла ненавидевшая ее невестка, супруга короля София Амалия. «Скорбные воспоминания» Леоноры Ульдфельдт — это семейный документ, ставящий целью посвятить детей в подробности трагедии и одновременно демонстрирующий силу воли, мужество его автора. «Скорбные воспоминания» Леоноры Кристины не только вошли в сокровищницу национальной датской литературы, но и раскрыли величественный образ женщины, которую Г.-Х. Андерсен назвал «лучшей, благороднейшей между датскими женами».

Свой доклад «Поэзия Альфонса X Мудрого (XII век)» доктор филол. наук З. И. Плавский посвятил поэтическому творчеству знаменитого короля Кастилии — выдающегося астронома, историка и писателя. Уделив основное внимание «Песнопениям в честь Девы Марии», докладчик показал гуманистический характер поэзии Альфонса Мудрого, переплетение в его творчестве идеального и реального, прославление им живой природы как божественного начала на земле.

В докладе «Мэтью Арнольд и английская культура XIX века» доктор филол. наук Н. Я. Дьяконова охарактеризовала основные черты, присущие поэзии и прозе Арнольда. Подчеркнув философичность и несентиментальность его творчества, докладчица особо отметила направленность произведений М. Арнольда против фарисейства и ханжества современного

ему общества, против буржуазной респектабельности и бездуховности.

Заседание завершил доклад «Герберт Уэллс в Новгородской губернии», в котором доктор филол. наук Ю. В. Ковалев рассказал о ранее неизвестном визите английского писателя-фантаста в Россию. Острая наблюдательность Г. Уэллса, о которой свидетельствует его книга «Россия во мгле», способность пронизательно осмыслить события, происходящие в Стране Советов, поистине удивительны, если учитывать тот факт, что в 1920 году Уэллс пробыл в России менее двух недель. В результате исследо-

ваний, проведенных Ю. В. Ковалевым, выяснилось, что впервые Уэллс посетил Россию еще в 1914 году, остановившись в Новгородской губернии у народовольца Тыркова. Непосредственное знакомство с идеями «Народной Воли» и жизнью русского крестьянства подготовили почву для работы писателя над книгой, позволив ему глубже проникнуть в суть тех грандиозных перемен, которым он был свидетелем.

*Е. М. Волкова,
С. А. Кибальник*